

Артур Владимирович Петровский
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПСИХОЛОГИИ
Избранные труды

Зав. редакцией *А. В. Черепанина*
Редактор *С. Д. Крекова*
Художник *А. Буркатовский*
Художественный редактор *Е. В. Гаврилин*
Технические редакторы *Т. Е. Морозова, О. В. Журкина*
Корректор *В. С. Антонова*
ИБ № 774

Сдано в набор 27.07.83. Подписано в печать 30.01.84. А10640:
Формат 60×90^{1/16}. Бумага тип. № 1. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л.
17,0+0,125 вкл. Уч.-изд. л. 19,74. Усл. кр.-отт. 17,375. Тираж 20 000. Зак. 1715. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР
и Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, 107847, Лефортовский пер., 8.

Московская типография № 4 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 129041, Б. Переяславская ул., 46.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Часть первая	
Развитие теории общей психологии в СССР	7
Глава 1. Общее состояние психологической науки в России в предоктябрьский период	8
Глава 2. Характеристика основных направлений в дореволюционной психологии	26
Глава 3. Психология в первые годы после Октября	69
Глава 4. Психология как «наука о поведении»	99
Глава 5. Марксистская критика фрейдизма и других субъективистских течений в психологии	109
Глава 6. В борьбе за марксистское понимание предмета психологии	122
Часть вторая	
Формирование психологической теории коллектива и личности	139
Глава 1. Развитие социальной психологии в СССР	140
Глава 2. Исходные позиции новой концепции психологии групп и коллективов	151
Глава 3. Психологические феномены коллектива в экспериментальном исследовании	166
Глава 4. Проблема лидерства с позиций стратометрической концепции	197
Глава 5. Деятельностный подход к психологии коллектива	212
Глава 6. Индивид и личность. Концепция персонализации	228
Список основных трудов	259
Именной указатель	266

Академия
педагогических
наук
СССР

А. В. Петровский

Вопросы истории
и теории
психологии

Избранные труды

Москва
«Педагогика»
1984

Печатается по рекомендации
Редакционно-издательского совета
Академии педагогических наук СССР

Рецензент:
действительный член АПН СССР,
доктор психологических наук, профессор В. В. ДАВЫДОВ

Петрозский А. В.

П30 Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды. — М.: Педагогика, 1984. — 272 с. — (Труды д. чл. и чл.-кор. АПН СССР).

В подзаг.: АПН СССР.

Пер. 1 р. 70 к.

В книгу трудов известного советского психолога, автора многих работ по истории психологии и теоретическим проблемам социальной психологии включены исследования, выполненные им в 60—70-х гг. Первую часть составляют труды по развитию психологии начала XX в. и в послеоктябрьский период. Вторая часть книги посвящена развитию социальной психологии, прежде всего теории деятельностного опосредствования межличностных отношений.

Для научных работников в области психологии, педагогики, социологии.

П 4303000000—023 21—84
005(01)—84

ББК 88.5
15

© Издательство «Педагогика», 1984 г.

Посвящается
Ивенте Сергеевне
ПЕТРОВСКОЙ

От автора

Вероятно, любому автору, перед которым открывается возможность отобрать материалы для включения в том избранных трудов, эта задача представляется весьма нелегкой. Что выбрать из опубликованного за многие годы? Каким принципом руководствоваться? Как добиться определенной цельности книги, где неизбежно отразятся работы разных лет, на протяжении которых научные интересы и пристрастия их автора не могли оставаться неизменными? Эта непростая задача стояла и передо мной.

В течение 35 лет, которые прошли после первой моей научной публикации в журнале «Вопросы философии» «О высказываниях А. Н. Радищева по вопросам естествознания», я обращался ко многим темам и использовал многие научно-литературные жанры. Заметное место занимала работа над учебниками и учебными пособиями для средней и высшей школы, редактором и автором которых мне не раз доводилось выступать: «Психология», 1966, 1967, 1968 (в соавторстве с Г. А. Фортунатовым); «Общая психология», 1970, 1976, 1977; «Возрастная и педагогическая психология», 1973, 1979; «Социальная психология коллектива», 1978 (последняя в соавторстве с В. В. Шпалинским) и т. д. Многие из этих

книг переводились на иностранные языки и языки народов СССР и неоднократно переиздавались в ГДР, НРБ, ЧССР, на Кубе, в Финляндии, ФРГ, Японии и других странах. В 1961 г. вышла моя первая научно-популярная книжка «Роль фантазии в развитии личности», и с тех пор я опубликовал десять книг по психологии для массового читателя. Среди них — «Беседы о психологии» (1962), «Способности и труд» (1966), «Популярные беседы о психологии» (1976, 1977, 1983), «Дети и тактика семейного воспитания» (1981). Они также переводились и переиздавались в нашей стране и за рубежом. Ряд статей и брошюр был посвящен различным вопросам общей и педагогической психологии. Однако, относясь неизменно с должной серьезностью к этой стороне моей литературно-педагогической работы (как и к публицистическим выступлениям в журналах и газетах), я не считал возможным использовать что-либо из публикаций такого рода для включения в настоящий том. И это понятно. Представляется очевидным, что основным критерием отбора материала здесь должна быть прежде всего собственная научно-исследовательская работа автора. Она разделяется на два периода: с 1947 до 1967 г. я занимался преимущественно историей психологии в СССР, с 1967 г. — социальной психологией межличностных отношений и личности. Этими обстоятельствами и определяется структура предлагаемой книги.

Первые опубликованные историко-психологические статьи (Вопросы философии, 1950, № 1; 1952, № 3 и др.), на мой взгляд, в настоящее время особого научного интереса не представляют.

Начиная с 1960 г. я систематически публиковал результаты исследований, в которых рассматривалось развитие психологии в России в начале XX столетия, в предреволюционный, а затем и послеоктябрьский период, что завершилось изданием книги «История советской психологии. Формирование основ психологической науки». Это был первый в нашей стране опыт монографического исследования истории советской психологии. Ранее этой проблематике посвящались лишь эпизодические статьи об отдельных психологах и краткие историко-психологические обзоры в связи с различными юбилейными датами. Задача, поставленная в монографии, заключалась в том, чтобы показать, как формировалась психологическая теория, выявить становление общих принципов психологической науки, которые оказались предпосылкой и результатом конкретных научных трудов.

Историк науки должен осуществлять отбор фактов в соответствии с объективной взаимосвязью исторических явлений. Чем глубже и полнее он сумеет отобразить существенные связи изучаемых им явлений, тем ближе его труд к истине. Верное понимание самых сложных проблем современной психологической науки с необходимостью должно включать знание основной исторической связи, понимание, как и почему развивались те или иные научные концепции, которые стали слагаемыми сегодняшней общей теории психологии. Этими обстоятельствами объяснялось выраженное в моно-

графии преимущественное внимание к периоду, на протяжении которого разворачивался процесс создания теоретических основ психологической науки.

Руководствуясь изложенными соображениями, я включил в первую часть избранных трудов, озаглавленную «Развитие теории общей психологии в СССР», существенно переработанные начальные три главы (из восьми) монографии «История советской психологии», предпослав им заново отредактированный вариант статьи «Об основных направлениях в русской психологии начала XX в.» (1961), которая, как мне кажется, более полно и точно отражает состояние психологии в России накануне Октябрьской революции по сравнению с соответствующим кратким параграфом указанной книги.

Рассмотренное в первой части настоящей книги становление общей теории психологии, сложившейся на основе марксизма в СССР, получает прямое продолжение во второй части книги в связи с изложением истории формирования одной из конкретных теорий — теории деятельностиного опосредствования межличностных отношений и личности. Легко убедиться, что разработка этой теории базировалась на ранее сложившихся и упрочившихся марксистско-ленинских принципах советской психологической науки. В этом переходе от общего к частному при характеристике становления психологической теории и заключено единство и преемственность всех разделов книги.

С 1967 г. я вместе с моими сотрудниками начал заниматься социальной психологией коллектива и личности. Первоначально эти работы не претендовали на какой-либо принципиально новый теоретический подход к проблеме по сравнению с существующими. Поворотный момент в построении новой концепции межличностных отношений был отражен в моих кратких тезисах к XIX Международному психологическому конгрессу «Конформизм и коллективизм» (1969). В тезисах впервые выдвинута идея об опосредствованности межличностных отношений содержанием и целями совместной деятельности. Последующее развитие высказанных идей, выдвижение на этой основе гипотез и их экспериментальная проверка проложили путь становлению новой психологической концепции групп и коллективов, выявившей ряд психологических феноменов и давшей им единую теоретическую интерпретацию, а также позволившей переосмыслить, реинтерпретировать феномены известные и традиционно изучаемые.

В дальнейших работах, начиная со статьи «Опыт построения социально-психологической концепции групповой активности» (1973), удалось показать, что состояние личности в коллективе и процессы становления в нем межличностных отношений, их характер и закономерности принципиально иные по сравнению с закономерностями межличностных отношений, которые выделены и зафиксированы в западной, главным образом американской, социальной психологии малых групп. Задача заключалась в том, чтобы осознать эти различия, теоретически их осмыслить, указать их эмпирические проявления и, разработав систему методических средств исследова-

ния, установить системный характер этих проявлений, раскрыть их значение для решения прикладных, и прежде всего педагогических, проблем, наконец, найти общий методологический принцип, который мог бы быть положен в основу психологического изучения любого вида групп. Таким принципом оказался принцип деятельностного опосредствования, положенный затем в основу так называемой *стратометрической концепции* групп и коллективов, или — в более широкой трактовке — *теории деятельностного опосредствования межличностных отношений и персонализации индивида*.

Совокупность этих теоретических положений отражена в значительном числе моих публикаций и экспериментальных работ моих сотрудников. Первой обобщающей работой была вышедшая под моей редакцией коллективная монография «Психологическая теория коллектива» (1979), через три года — моя книга «Личность. Деятельность. Коллектив» (1982). Общие результаты теоретической и экспериментальной работы отражены в моих статьях в международных ежегодниках «Будущее науки» (1979) и «Наука и человечество» (1980), в ряде сборников статей моих сотрудников, а также в моих выступлениях на международных конгрессах в Лондоне, Токио, Льеже, Париже, Берлине, Лейпциге, на различных научных конференциях в Софии, Варшаве, Потсдаме и других, на различных психологических съездах, конференциях и симпозиумах и т. п.

Начиная с 1971 г. я систематически публиковал в журналах «Вопросы философии», «Вопросы психологии», «Психология. Вестник МГУ», «Психологический журнал» итоговые статьи, отражавшие текущие этапы и узловые проблемы развития теории деятельностного опосредствования. Ныне, стремясь очертить пути становления этой конкретной психологической теории, я во второй части книги осуществил компоновку и редактирование этих статей, изменив первоначальные названия и несколько нарушив хронологическую последовательность их публикации. В результате удалось, по моему мнению, дать логически и исторически организованный очерк формирования теории личности и коллектива.

В заключение мне не хотелось бы умолчать о некоторой неловкости, которую я испытываю, употребляя столь часто в этом вступлении местоимения «я», «мое», «мне» и т. п. С одной стороны, это как будто оправдано специфическими признаками жанра — авторского предисловия к собственным избранным трудам, что не может не вносить в повествование некоторую «автобиографически исповедальную» тональность. С другой стороны, это невольно оттесняет людей, без которых автору нельзя было надеяться осуществить даже немногое из того, что он поставил задачей своей научной деятельности. Наука в современном обществе не делается в одиночку. Пусть эта мысль стала своего рода трюизмом, но ее значение от этого нисколько не умалается. Поэтому весомость местоимения «я» может быть только усилена и никак не ослаблена, если оно соседствует с «мы». Я искренне признателен большому коллективу сотрудников и аспирантов, единомышленников, чьи имена читатель не раз встретит на страницах этой книги.

Часть первая

Развитие теории
общей психологии
в СССР

Глава 1

Общее состояние психологической науки в России в предоктябрьский период

Предшествующий Октябрьской революции период 1905—1917 гг. — время жестокой политической реакции и нового революционного подъема — сопровождался поляризацией сил во всех областях общественной и научной жизни России. Перед всеми науками, и прежде всего перед науками о человеке и человеческом обществе, стояла дилемма: либо всеми силами и средствами оправдать капиталистическое общество и тем самым продемонстрировать свою лояльность по отношению к существующему строю, либо пойти на открытый конфликт с правящими классами. Стояла она и перед русской психологией. Психология принадлежала в ту эпоху, как и всегда, к числу дисциплин, в которых отчетливо обнаруживается партийный, классовый характер науки.

Развитие психологии в России в предреволюционный период представляет собой сложный процесс, протекающий в условиях острого методологического кризиса. Борьба школ и направлений, осложненная непоследовательностью и эклектичностью воззрений многих психологов, двойственностью и компромиссностью их позиций, затеняет подлинный смысл того, что имело тогда место в области психологической науки. Развитие психологии в канун Октября не может быть показано в виде единого потока, но нельзя согласиться с теми авторами, которые считали, что в последние десятилетия перед Великой Октябрьской социалистической революцией передовые традиции

русской психологии были в значительной мере забыты. Не на гол ом месте, не в результате полного разрушения старого начинает строиться советская психология. От своей ближайшей исторической предшественницы она наследует значительный фактический материал психологических исследований, ряд методических приемов, а также известные теоретические идеи, идущие от передового русского естествознания и общественной мысли.

Характеризуемый период был периодом кризиса буржуазной психологии. Кризисные явления охватывают всю психологию и находят отражение во всех ее разделах, отраслях и школах¹. Причины кризиса в России в основном те же, что и на Западе: основу кризиса составило нарастающее противоречие между развивающейся стихийно-материалистической экспериментальной практикой и субъективистской концепцией сознания, восходящей к Р. Декарту и Д. Локку.

В. Вундт может быть по праву назван отцом европейской буржуазной психологии. Не случайно очень многие крупнейшие западные психологи, действовавшие на рубеже настоящего и прошлого столетий, вышли из лейпцигской лаборатории Вундта. Появление в этот период многочисленных психологических школ было реакцией на отдельные стороны вундтовской концепции психологии. Так, в противоположность акцентированию вундтовской школой исключительной важности интроспективного изучения непосредственных содержаний сознания возникает бихевиоризм и рефлексология. В качестве контрверсы элементализму Вундта возникает гештальтпсихология. В ответ на внимание вундтовской психологии к общечеловеческим закономерностям психики создаются дифференциальная психология и различные течения индивидуальной психологии (в том числе фрейдизм). Наконец, как реакция на оторванность вундтовской психологии от практических нужд возникает психотехника. Таким образом, различные психологические школы того времени в направлении и методе исследования в определенной мере отталкивались от Вундта. Вместе с тем психофизический параллелизм, составлявший теоретическую основу психологии Г. Фехнера и В. Вундта, открывал возможность для развития как идеалистического эпифеноменализма, так и вульгарно-материалистического физиологизма.

Как часть европейской психологии русская психологическая наука, и преимущественно ее эмпирические школы, проходит тот же путь. На равных правах и рядом существуют «экспериментальная психология» Г. И. Челпанова, синтезирующая вундтовскую «физиологическую» психологию, и «достижения» вюрцбургской школы, до известной степени приближающиеся к патопсихологии и педологии, — прикладная психология Г. И. Россоломо и экспериментальная педагогика А. П. Нечаева, учение «о динамике внутренней жизни» К. Космана и т. д. Если присоединить сюда психологию

¹ Рубинштейн П. М. Основные направления в психологии: Неопубл. дис. М., 1940.

ческие школы, представляющие собой пережитки довулфовской метафизической немецкой психологии (психологические системы Л. М. Лопатина, А. И. Введенского, С. Л. Франка и др.), то картина размежевания школ в психологии будет еще более полной. Прав был Н. Н. Ланге, когда писал: «Ныне общей, т. е. общепризнанной, системы в нашей науке не существует. Она исчезла вместе с ассоцианизмом. Психолог наших дней подобен Прпаму, сидящему на развалинах Трои»². Но при всем этом процесс развития русской предреволюционной психологии значительно отличается от процесса развития психологической мысли на Западе.

Основное и главное отличие русской психологии — ее материалистические традиции, берущие начало в психологических взглядах М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, опосредствованные трудами И. М. Сеченова и определившие важнейшее направление развития отечественной науки не только в XIX, но и в XX в. По справедливому замечанию К. А. Тимирязева, волна «метафизического умозрения» не могла затопить русскую науку. Наличия давних материалистических традиций в русской философской и научной мысли не могут отрицать даже враги материализма. Белоэмигрант М. Новиков в 1924 г. сетовал, что «философское содержание» (иными словами, метафизическая философия) в России всегда оставалось «непонятым» и поэтому идеалистов О. Новицкого, П. Д. Юркевича, В. В. Лесевича, В. В. Розанова, В. С. Соловьева и других всегда «обижали». Юркевича, например, по его мнению, «безвинно замучил» Чернышевский. Именно наличием замечательных материалистических традиций объясняется появление в начале XX в. таких психологических учений, каких не знала западноевропейская психологическая наука того времени. Широкое распространение получает естественнонаучное направление в русской психологии, о котором пойдет речь ниже.

Еще в 1894 г в работе «Что такое «друзья» народа и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин, раскрывая типичный для того периода способ создания психологических теорий и систем, опирающихся на априорные, догматические и абстрактные суждения, убедительно показал, что все подобные «теории» негодны уже по своим основным приемам, по своей сплошной и беспроблемной метафизичности. Охватывая в краткой характеристике обширную область философско-психологических исследований (эта область в те времена претендовала на исключительное право именоваться научной психологией), В. И. Ленин указывает их основной методологический порок — отказ от объективного анализа, серьезного фактического изучения, «установления понятий». «Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа? Нелеп тут был уже прием. Нельзя рассуждать о душе, не объяснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое

² Ланге Н. Н. Психология. — Итоги науки, 1914, т. VIII, с. 42.

душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы»³.

Оценка, которую дал В. И. Ленин психологам, занимавшимся умозрительными рассуждениями о природе души и видевшим свою задачу «в пересмотре» всех известных философских построений о душе с позиций метафизики, сохраняет свое значение для всего предоктябрьского периода развития психологии в России. П. П. Блонский, принадлежавший в предреволюционные годы к лагерю философского идеализма, с горечью писал позднее: «Невольно содрогаешься от того, в какую глубокую тьму интеллектуального атавизма погружен целый ряд «общепризнанных» мыслителей нашего века, как бесконечно далек их ум от современности, какие, в буквальном смысле слова, первобытные дикари в профессорских сюртуках они всем умом и мировоззрением. Они Plusquamperfectum в XX в. Но другими они не могли быть. Только люди такого дикопервобытного ума и такого бессознательного атавистического мировоззрения могли быть умственными вождями эпохи международной бойни и народных угнетений. Иметь философию более высокого качества эти люди были не в состоянии»⁴.

Критикуя психологов-метафизиков, всю жизнь писавших «исследования» по вопросу о том, что такое душа, и не знавших «в точности объяснения ни одного, хотя бы простейшего, психологического явления», В. И. Ленин не оставляет места и для позитивистских, эмпирических построений, трусливо уходящих от решения принципиальных научных вопросов. В работе «Что такое «друзья» народа и как они воюют против социал-демократов?» он провозглашает единство теории и практики. Критике психологов-метафизиков предшествует глубочайший и всесторонний анализ замечательной марксистской идеи материализма в социологии. «Разумеется, — подчеркивает В. И. Ленин, — пока это была еще только гипотеза, но такая гипотеза, которая впервые создавала возможность строго научного отношения к историческим и общественным вопросам»⁵. Высказав в 40-х гг. эту гипотезу, сделав материалистический вывод «о зависимости хода идей от хода вещей», который, как замечает В. И. Ленин, «единственно совместим с научной психологией»⁶, К. Маркс берется за изучение материала и на основании огромной массы фактов дает подробнейший анализ законов функционирования системы товарного хозяйства. Этот глубочайший научный анализ, как показывает В. И. Ленин, должен стать образцом подлинно научного исследования. Вывод, который мог сделать научный психолог, изучая работу В. И. Ленина, состоял в том, что противоположность метафизики в психологии составляет не ползучий эмпиризм, не слепое следование за фактом, а научная теория, научное понимание, объяснение фактов на основе их объективного анализа. Научный психолог, пишет В. И. Ленин, «отбросил философ-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 141—142.

⁴ Блонский П. П. Реформа науки. М., 1920, с. 8.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 136.

⁶ Там же, с. 137.

ские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений — нервных процессов, и дал, скажем, анализ и объяснение такого-то или таких-то психических процессов»⁷.

В те годы в России жил и работал ученый, совместивший в себе черты научного психолога, о каких говорил В. И. Ленин. Этим ученым был И. М. Сеченов, который, изучив материальный субстрат психических явлений — мозг, построил детерминистическую теорию психической деятельности, опирающуюся на объективный анализ психических процессов⁸.

Если в книге «Что такое «друзья» народа...» выражено понимание задач психологической науки, то в замечательном произведении «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин разработал теорию отражения, составляющую философскую основу диалектико-материалистической психологии. Теория отражения определила принципиальные возможности решения важнейших психологических и психосоциальных проблем, и прежде всего вопроса о сущности психического и отношения психики к мозгу (психофизическая проблема), вопроса об отношении отражения к отражаемому, субъективного к объективному, ощущения к мышлению, проблемы развития психики и многих других. Таким образом, в труде В. И. Ленина охвачен круг основных вопросов, по которым шла принципиальная полемика в русской и зарубежной психологии.

Однако до Октябрьской революции колоссальное богатство ленинских идей не было использовано русской психологической наукой, и в те годы не возникло ни одного психологического учения, которое строилось бы на основе марксистско-ленинской философии. Позволительно лишь высказать мысль о возможном влиянии отдельных положений «Материализма и эмпириокритицизма» на «Психологию» Н. Н. Ланге, которая вышла в свет в 1917 г.

Расстановка сил на психологическом фронте в предреволюционную эпоху в условиях обострения методологического кризиса науки характеризуется значительной сложностью для историко-психологического исследования. Сближаясь между собой в одном, отдельные психологические школы обнаруживали существенные расхождения в других отношениях. Решения основного вопроса философии сплошь и рядом маскировались позитивистскими, махистскими и неокантианскими напластованиями, а в иных случаях эклектическими включениями, мешающими разглядеть подлинную методологическую платформу, с которой выступал психолог. Кризис философских основ психологии вел к размежеванию и выявлению реальных противоречий между передовыми и реакционными направлениями науки и вместе с тем не давал возможности втянутым в его орбиту психологическим школам оценить эти реальные противоречия и осознать конечную причину размежевания. Челпанов на протяжении 20 предреволюционных лет не уста-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1. с. 142.

⁸ См.: Ярошевский М. Г. Проблема детерминизма в психофизиологии XIX века. Душанбе, 1962

вал повторять, закрывая глаза на действительность, что кризис в психологии «уже миновал». Ланге констатировал факт кризиса, признавал его «плодотворным», ибо он нес с собой разрушение старой субъективистской психологии. Но они оба не понимали причин, вызвавших кризис, и не видели (и в силу исторической ограниченности не могли видеть) выхода из него.

В этот период оформляются и реально противостоят друг другу три основных направления в психологии, которые в свою очередь подразделяются на многочисленные школы. Эти направления могут быть условно обозначены следующим образом: философская умозрительная психология, естественнонаучная психология и эмпирическая психология.

Крайнюю правую группировку в русской психологии составляли психологи-философы Л. М. Лопатин, А. И. Введенский, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, И. И. Лапшин и другие, принадлежавшие к различным школам философского идеализма (интуитивизм, неокантианство, идеал-реализм, персонализм и т. п.). Занимая профессорские должности в высших учебных заведениях, они использовали кафедры для пропаганды реакционных взглядов на сущность психического, для «доказательства» субстанциональности души, для «опровержения» материализма. Они сознательно тянули психологию назад и видели покушение на ее чистоту даже в весьма скромных начинаниях эмпирической психологии. По наиболее важным и принципиальным вопросам эта группа психологов смыкалась с официальной православной идеологией, и вполне закономерно, что идейная эволюция многих из них завершилась принятием священнического сана. Если Лосский начал свою деятельность проповедью интуитивизма в духе А. Бергсона и волюнтаризма по Вундту, то в конце жизненного пути он пришел к богословским откровениям.

Умозрительная психология не была однородным целым. Достаточно обратиться к журнальной полемике того времени, чтобы убедиться в разнообразии взглядов ее представителей. Так, после опубликования в 1892 г. работы Введенского «О пределах и признаках одушевления» с возражениями автору выступили Лопатин, Э. Радлов, Н. Я. Грот, С. Н. Трубецкой и другие. Полемика на страницах журнала «Вопросы философии и психологии» продолжалась в течение ряда лет. Но при всех разногласиях и взаимных обвинениях столпы идеалистической психологии проявляли полное единодушие в борьбе против материализма; против общего врага они выступали единым фронтом. Многие из представителей этого лагеря эволюционировали от материализма, связанного с расцветом русской общественной мысли в 60-е гг. XIX в. и успехами отечественного естествознания, к философскому идеализму, мистике и мракобесию. Регресс философской мысли отчетливо выражен в сборнике С. Н. Булгакова «От марксизма к идеализму»⁹ и других произведениях этого периода.

⁹ Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. СПб., 1903.

Своеобразный раздел метафизической психологии составляли «труды» служителей православной церкви, в частности статьи, публиковавшиеся в различных клерикальных органах, в особенности в журнале «Вера и разум», который охотно помещал теоретические эссе, «испровергающие» материализм. Об этом журнале В. И. Ленин писал: «Наши командующие классы очень часто не стесняются показываться *ap naturel* в специальных тюремных, церковных и тому подобных изданиях. Давно пора нам, революционерам, приняться систематически утилизировать эту «богатую сокровищницу» политического просвещения»¹⁰. Церковники весьма живо реагировали на новейшие веяния в естественных науках, на открытия в области геологии, астрономии, антропологии, физиологии и экспериментальной психологии¹¹.

Успехи физиологов, психологов и дарвинистов, стремившихся дать естественнонаучное объяснение психической деятельности животных, вызывали у них беспокойство и тревогу. Весьма характерна в этой связи проповедь епископа Анастасия на открытии Психологического института. Этот «просвещенный» служитель культа спешил наставить и предостеречь психологов-экспериментаторов от опасности вторжения «в святая святых» церкви — человеческую душу: «Стремясь расширить круг психологических знаний, нельзя забывать о естественных границах познания души вообще и при помощи экспериментального метода в частности. Точному определению и измерению может поддаваться лишь, так сказать, внешняя сторона души, та ее часть, которая обращена к материальному миру, с которым душа общается через тело. Но можно ли исследовать путем эксперимента внутреннюю сущность души, можно ли измерить ее высшие проявления?.. Кто дерзнет экспериментально исследовать религиозную жизнь духа? Не к положительным, но к самым превратным результатам привели бы подобные попытки»¹².

Убежденных психологов-идеалистов можно было встретить не только среди профессоров-философов на кафедрах университетов и духовных академий. Так, известный врач и психопатолог А. А. Крогнус, автор ряда интересных работ по психологии сле-

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 340.

¹¹ См., например, в журнале «Вера и разум» статьи: И. Страхов. По поводу появления нового научного журнала «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» (1904, № 3); А. Чемоданов. О неизмеримой ценности человеческой личности и ее родовом отличии от животной души (1905, № 1); С. Глаголев. Геология и Библия (1905, № 1); его же. Библия и астрономия (1905, № 3) и другие, которые печатались рядом с такими богословскими откровениями, как статья В. Давиденко «Святоотеческое учение о нематериальности или духовности человеческой души» (1905, № 12), и ей подобными.

¹² Речь и приветствия на торжественном открытии Психологического института им. Щукиной при императорском Московском университете. М., 1914, с. 1—2.